

РОСТИСЛАВ КОТ

ТЫ ИЗБРАН

ПОСЛАНИЕ БЕЗ ПОДПИСИ

Проект Черная Игла
Книга первая, эпизод первый

16+

Ростислав Кот

Ты избран

Серия «Чёрная игла», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43687469

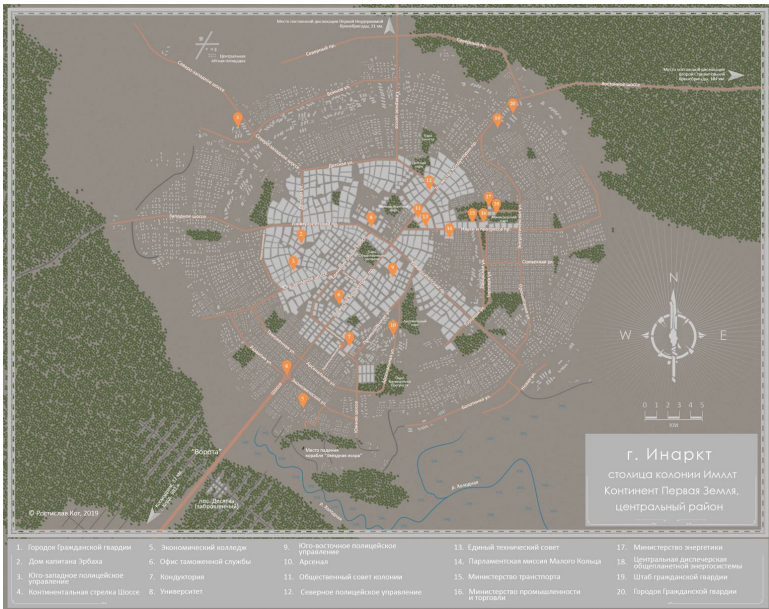
SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой, Ачет по прозвищу Космонавт, – агент секретной службы малонаселённой звёздной колонии. Неожиданно к нему в руки попадает план готовящегося вторжения из более «цивилизованных» миров. Ачет пытается предотвратить беду. Однако кто-то из местных правителей из сиюминутных побуждений пытается утаить сведения о надвигающейся угрозе. Жизнь Ачета повисает на волоске... Эта книга – начало большой истории. Эпизод первый проекта «Черная игла». Много ещё всего будет впереди. Но первый бой будущей войны – он всегда первый бой.

Содержание

Вместо пролога	7
Утро, которое ты ещё вспомнишь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

– Как бороться мне за лучшее для людей? – спросил од-
нажды у Странника пылкий юноша.

– Будь мудр. Будь честен. Будь собой. И враги найдутся
сами, – ответил ему Странник.

Неканоническая запись «Легенды о Страннике», сделан-
ная на древнем языке Тдмт, перевод Кдалла, бродячего фи-
лософа

Никто не знает в точности – для чего он предназначен судьбой. Но если в сложившихся обстоятельствах ты вдруг чувствуешь вызов, вполне возможно, что это оно самое и есть. Тогда не упускай момент и постарайся соответствовать...

Кдалл, бродячий философ с планеты Имллт, из записной книжки «Банальные мысли вечны»

Вместо пролога

Я всё ещё сплю. Это подсознательный контроль ситуации. Я научился контролировать себя даже не просыпаясь. Меня зовут Ачет, полное имя пока опустим. Мне двадцать шесть. Профессия – агент адвослужбы (что это такое, поясню позже). Моё прозвище и оперативный позывной – Космонавт (почему – расскажу как-нибудь). Мне остаётся только четверть часа той жизни, которую я потом назвал бы спокойной и беззаботной. Только четверть часа – а потом затянет меня в свой многолетний водоворот эта история. Для кого-то великая, для кого-то трагическая... А для меня – просто судьба.

Итак, я запускаю мысленную процедуру самопроверки. Во сне, как наяву.

Место действия...

Планета Имллт, внешний сектор колоний Малого кольца. Континент – Первая Земля, юго-западное побережье. Безымянный посёлок на 75-м километре Шоссе, соединяющего города Кодд и Инáртк (счёт, естественно от Кодда). 3-я Левая улица, заброшенное здание склада без номера, замаскированный оперативный гараж с выездом у дальней от посёлка стены.

Время...

9-е Примирения, второй месяц осени.

5:45 утра по местному времени, примерно час до восхода солнца.

А так, по-крупному, – 1364 год от Закрытия Вечного Моста (хотя не все уже, наверное, помнят, что это значит).

Оружие...

Пистолет под подушкой. Дурная привычка, ничего не поделаешь. Хотя, с другой стороны, места здесь глухие...

Связь...

А вот рация у меня вечно где-то валяется. Только брелок специальной связи всегда с собой – на груди, на цепочке.

Состояние...

Сплю я, вот какое моё состояние.

Внешний вид...

Совсем не парадный...

План действий...

Использовать шанс отоспаться – сегодня не моя смена. Дежурят другие.

У меня остаётся только четверть часа, но я этого ещё не знаю. Поэтому не будите, дайте поспать.

Утро, которое ты ещё вспомнишь

Назад начинаешь оглядываться, когда вдруг почувствуешь, что проскочил какую-то развилку.

Кдалл, бродячий философ с планеты Имллт, из записной книжки «Банальные мысли вечны»

Редко бывают сны, которые помнишь потом всю жизнь. Этот я не забуду. Знающие люди говорили мне, что сон запоминается, когда во время него будят. Вот меня как раз и разбудили. И сон остался в памяти – как знак...

Не уверен, с чего там во сне всё началось: тоже было что-то осмысленное, но в памяти не зафиксировалось. Ну, в общем, купался я в море... Место могу показать точно: было это возле маяка на мысе Прощания, по другую сторону бухты от моего родного Кодда. Там есть песчаная отмель, где не особенно глубоко – метров пять-семь... Когда океан не гонит в бухту волну и день солнечный, нырять там – одно удовольствие. Кто-то даже пробовал с острой на рыбу охотиться.

Плыву я, значит... Вода прозрачная, вся солнцем просвечена. Дно подо мной – как равнина с высоты птичьего полёта. Полная уверенность, что летишь: песчаные складки да завитки на дне проплывают внизу, словно барханы неведомой пустыни... Иногда ныряю и иду над самым дном – точно

птица, спустившаяся с небес...

И вот нырнул я в очередной раз, пару гребков сделал... И тут вдруг что-то на дне заметил! Что-то длинное, узкое, тёмное...

Надо сказать, что я вырос у моря. И глаз у меня в этом вопросе верный – это был не край случайного камня, занесённого песком. Это был и не кусок топляка. И не дохлая рыба. И не обломком рыбацкого багра был этот таинственный предмет, хотя по форме похож...

Я знал, что море дважды такие вещи не показывает. И нырнул глубже, чтобы разглядеть. И, если получится, – достать...

Да, это была совсем не обычная вещь! Я даже не решился её сразу коснуться... Протянул руку, но не коснулся.

На что же это было похоже? Что-то вроде короткого чёрного копья. Но именно что вроде... Держать такое копьё было бы неудобно – так мне показалось. С двух концов явно угадывались острия, гранёное древко тоже было из металла. Форма предмета казалась предельно рациональной, но при этом выглядела довольно сложной. Древко сужалось к остриям хитроумными зигзагообразными ступеньками. Оно будто бы состояло из множества фантастически точно пригнанных друг к другу частей. Все грани и плоскости были гладкими и чистыми, чуть ли не зеркальными, а края оставались острыми, словно эту штуку уронили в воду только что. Однако лежала она на дне уже давно – не знаю почему, но во сне я

был в этом совершенно уверен. Я бы мог даже сказать, что с той поры, как человек в последний раз держал это в руках, сменилось много поколений...

Озадаченный, я замер в воде, медленно всплывая в облаке серебристых пузырьков. Разглядывая свою таинственную находку, я понял, что этот предмет не просто лежал тут: создавалось впечатление, что он – на своём месте... Покоится, как затаившаяся, мрачная сила... Волнистое песчаное дно исполняло роль подстилки под этой чёрной драгоценностью, толща воды была как прозрачный ларец. Ах, какие поэтические ассоциации возникали у меня в том сне!

Да, это всё-таки больше всего напоминало копьё. Солнечные блики с поверхности моря играли на его тёмных гранях как переливчатая гравировка веков. Узор их непрерывно менялся. Менялся быстрее, чем память успевала зафиксировать хоть какой-то вариант. Эти пляшущие светлые и тёмные блики – словно хорошие и плохие слова – только скользили по тёмному металлу, не касаясь его сути. Для этой вещи, рождённой на тёмной стороне жизни, человеческие слова не подходили. Она даже не требовала уважения, она просто БЫЛА. Что ей уважение тех, чьи поколения меняются так же часто, как и блики на её строгих гранях? Если не чаще...

И я вдруг понял, что это... Это была Чёрная Игла! Да, то самое легендарное древнее оружие, силе которого, согласно легендам, нет предела... Что ж, тогда она действительно

должна была лежать здесь давно: за те сотни лет, пока этот зловещий артефакт считался утерянным, даже внешнего вида его память людская не удержала. Никто не мог точно сказать ни что такое Чёрная Игла, ни как она выглядит... Кроме меня!

Радоваться бы мне, да что-то было не так... Чем дальше я глядел на Чёрную Иглу, тем отчётливей понимал, что потеряли её сколько-то там сотен лет назад неспроста. Да и слово «потеряли» к такой вещи совсем не подходило. От такого можно только сбежать, избавиться, как от наваждения... Или как от проклятия... Чем-то таким от неё веяло, от этой штуки, совсем не человеческим...

Почему-то я был уверен, что, если нырну ещё раз, никакой Чёрной Иглы на дне уже не будет. Стоит ли подобрать? Только глупец мог сразу ответить на этот вопрос! Сколько поколений искало её... Сколько людей погибло или пропало в безвестии... Что двигало ими? Деньги, слава, жажда власти... Свободен ли я от всего этого? Верилось, что свободен... Да, я тоже искал Чёрную Иглу, как и все на нашей планете. Начал ещё в детстве, в лопухах на соседском дворе... Но зачем?

Во сне я откуда-то знал, что над моим миром нависла угроза. Какая именно, я в тот момент не мог сформулировать, но был уверен, что она есть. И что Чёрная Игла нужна мне, чтобы защитить своих соплеменников. Не только тех, кого я знал и кто был мне дорог, – всех... Я должен был

стать воином – и победить. Именно так! Во сне всё это казалось абсолютно серьёзным... Чёрная Игла была нужна мне для великого дела! Становиться предметом торга или фундаментом чьей-то гордыни она не согласилась бы – это было слишком мелко для неё. Но эпохальная битва в очередном поколении суматошных людей, мелькающем в череде столетий, битва, после которой даже солнечные блики затанцуют по-иному, – это был, видимо, достаточный повод, чтобы отвлечься на время от глубокой голубой пустоты, где она пребывала – от небытия. Потому она мне и явилась...

Хорошо, что это было во сне... А то мне точно не хватило бы воздуха на все эти мудрейшие размышления...

Я протянул руку... Но едва мои пальцы приблизились к узорчатым граням, как я почувствовал, что за обладание этой силой придётся заплатить. Точнее, не за обладание, это было бы слишком сильно сказано – всего лишь за её кратковременное сотрудничество. Плата была так же темна и тяжела, как сама Чёрная Игла. Получаешь всё – платишь всем. К сожалению, у могущественных сил всегда как-то не густо с вариантами...

В глазах от удущья уже плыли разноцветные круги... Или это солнечные зайчики, преломлённые волнами, расплясались на строгих металлических гранях, будто смеясь надо мною? Воин, великий воин – а пальчики-то свело от страха...

Я схватил её... Мои пальцы сомкнулись на древке Чёр-

ной Иглы. Стальные грани врезались в ладонь... В последний миг я испугался, что у меня не хватит сил вот так, сразу, вытащить её. Железяка таких размеров обещала быть весьма тяжёлой. Нужно ведь ещё вынырнуть, а воздуха уже нет давно...

Я оттолкнулся ногами от безмятежного волнистого дна. Что было силы оттолкнулся. Белый песочек взбаламутился, видимость пропала... Но я уже летел вверх, всплывая над этим мутным облаком через подсвеченную солнцем прозрачную толщу воды. Я грёб что есть силы ногами и одной рукой – вторую оттягивала Чёрная Игла. Впрочем, не такой уж тяжёлой она оказалась. «Тяжела твоя доля, а металла не бойся», – подумалось мне тогда почему-то. Зеркально-синяя поверхность моря всё приближалась, колыхаясь в своём бесконечном танце... И вот я вынырнул, с шумом и брызгами, выскочив из воды чуть ли не до пояса...

Скорее на берег! Плыть с Чёрной Иглой не так-то просто... Исторический момент: я выношу её из океана... После многовекового отсутствия – в мир людей... Вода стекает с меня, я весело отфыркиваюсь, но отчего-то хочется плакать... Счастливые люди считают, что во сне не бывает по-настоящему страшно... Какая чушь!

Ветер с океана холоден, для него нет любимчиков. И когда ты стоишь на берегу, под голубым небом, в одних плавках, даже солнцу тебя не согреть. С этой железякой в руке... И

вбил же себе в голову, что это Чёрная Игла! А может, это всего лишь деталь от какой-нибудь машины... Смешно, но ты пытаешься убедить себя, воин, что трясёт тебя от пронизывающего ветра, а не от страха. И кажется уже, что эти строгие, идеальные грани режут не ладони, а саму душу... Бр-р-р-р! Похоже, что плата уже взимается...

И тут же приходит понимание того, как она действует, эта штукавина – в обмен на уплаченный только что аванс... Ты оглядываешься в сторону скалистого мыса. Там, за прибрежными холмами, за устьем реки Уараты – энергоцентр. Термоядерный конвертор. Чёрной Игле нужна энергия, много энергии... Я представляю себе эти самые потоки энергии – и чувствую, как Чёрная Игла в моей руке вытягивается, становится всесильной, достаёт до небес...

Мужество... Где же оно, это мужество? Должно же оно быть у меня?! Именно сейчас, чтобы не бросить этот проклятый дар – и иметь управу на врагов...

И НАШЛИ ЖЕ ВРЕМЯ МНЕ ЗВОНИТЬ!!!

Болтающийся у меня на шее брелок специальной связи пищит, тренькает, разрывается...

И кому! И почему **ИМЕННО СЕЙЧАС!** Я **ПОНАДОБИЛСЯ!** Среди ночи...

Брелок всё пищит. Я чувствую, что начинаю просыпаться – и понимаю, что не ночь уже, рассвет близится... А сердце

гулко колотится в груди. И я всё ещё стараюсь удержать в памяти ощущения – вот я, мокрый и дрожащий, с чем-то таким грозным в руке... Холодный ветер с океана... Солнце, волны блестят у самых ног... Я на берегу, у маяка на мысе Прощания... Нет... Уже нет... Сон уходит. Эх, не досмотрел, как я им там всем показал...

Сон уходит, но остаётся тяжесть в душе. Приснится же такой бред... Чёрную Иглу я нашёл, ага... Знал бы ещё кто-нибудь, что она есть такое на самом деле – про эту проблему я, вон, даже во сне вспомнил... Да и есть ли она вообще, эта Чёрная Игла, или выдумки это, как и многое-многое другое? А вот то, что я опять просыпаюсь не дома, а в своём гараже – это реальность...

Я сел на кровати, потёр лицо ладонями... В гараже холодно, но волосы прилипли к потному лбу. Да, ещё не рассвет, а только его предощущение. В синем сумраке циферки наручного навигатора горят рубиновыми искрами. С трудом фокусирую взгляд, чтобы разглядеть их. Шесть утра с одной минутой. Замечательно! Служба, чтоб её...

Да, не вовремя меня разбудили – спал бы я себе дальше. И за этим сном, тревожным и бредовым, последовал бы другой – безмятежный и радостный, как следующая жизнь, какой она представляется из жизни этой...

Поморщившись, я вспомнил свои военные упражнения во сне – как размахивал чёрным металлическим копьём, достигающим до небес... То ли ужас, то ли восторг... И чего только

порой не приснится!

Брелок специальной связи, маленький и бесхитростный с виду металлический цилиндрик, назойливо пищит, раскачиваясь на цепочке. Поймав брелок, я откидываюсь обратно на жёсткую подушку и на ощупь нахожу на нём крохотные кнопочки. Их три – одна гладкая, вторая с хорошо ощутимой рельефной точкой в центре, третья – с двумя такими же точками. Вторую и третью кнопочки использовать мне пока ещё не приходилось – и слава Великой Матери! А вот первую частенько приходится нажимать для передачи оперативных сообщений – из тех, что нельзя передать по радиии или обычным звонком по коммуникатору. Брелок – вещичка посерьёзнее коммуникатора. Начать с того, что, насколько я знаю, его сигнал невозможно как-то перехватить или подавить. Кроме того, сообщение, адресованное мне, смогу получить только я, никто другой этого сделать не сможет. И это далеко не всё...

Я нажимаю первую кнопку и жду примерно секунду. Крохотная железка сличает мои отпечатки пальцев или там биотоки – я не в курсе, что именно. Но я знаю, что сообщение пойдёт лишь в том случае, если жал на кнопку именно мой палец, и он был при этом единым целым со своим живым и находящимся в сознании владельцем. И только если нажимать никто не помогал... Вот такие предосторожности. Я – агент адвослужбы колонии Имллт, и в моей работе это со-

всем не лишне. Самое безобидное, чем я занимаюсь, – это контрабандисты, а ведь даже те порой постреливают!

Но вот мой палец, жмуший на кнопку, чувствует слабый укол – идентификация успешно пройдена. Теперь брелок нужно поднести к уху. Можно не торопиться – умное устройство подождёт, пока я это сделаю.

Я кладу брелок на ладонь, складываю её лодочкой и, натягивая цепочку, поднимаю руку к виску. Каким-то образом обнаружив в темноте моё ухо, брелок начинает вибрировать – его корпус, я думаю, сам является динамиком. И звук он создаёт направленный, словно луч тактического фонарика – это всегда меня поражало. Моё ухо слышит переданные слова чётко, но уже за границей ладони тяжёлую тишину сырого тёмного воздуха ничто не нарушает.

Сообщение, которое я получил, состояло всего из десяти слов. Это правило такое в нашей службе – избегать многословия. Брелок, при всех его достоинствах, не очень-то быстро передаёт информацию. Впрочем, мой шеф по прозвищу Сержант утверждает, что для чего-то на самом деле важного, того, что действительно стоит передавать через брелок, десяти слов хватит всегда. Я в своё время долго тренировался, сочиняя в уме сообщения на разные темы, но уложиться в десять слов для меня до сих пор – непростая задача. А Сержанту даже тренироваться не надо – он и в жизни так разговаривает...

Содержание сообщения я на две трети угадал заранее.

Срочно явиться в контору. Не срочного у нас ничего не бывает. И действует Сержант всегда с подготовленной базы, да и нас учит так делать. А то, что мы называем конторой, – наша центральная база и есть. Дальше, правда, была неожиданность – в контору я должен был прибыть, чтобы затем отправиться на Космодром. Оттуда пришёл вызов.

Я не случайно пишу «Космодром» с большой буквы: тому есть веские основания. Космодром – это не какой-нибудь автовокзал. В том смысле, что он не просто объект инфраструктуры, пусть даже очень большой. Космодром – действующее лицо. Наши предки, создавшие его в незапамятные времена, наделили своё детище искусственным интеллектом. Споры о том, можно ли считать его разумным по общечеловеческим критериям, не утихают последние лет сто. Но одно бесспорно – руководствуясь своим искусственным мышлением либо следуя заложенной предками программе, Космодром требует соблюдения определённых правил в той сфере, которую он призван контролировать. Он стоит на страже звёздных ворот планеты. Весь внешний грузооборот и редкие пассажирские перевозки идут только через его лётное поле. Лётное поле Космодрома – огромная бетонная площадка. С птичьего полёта оно выглядит как почти правильный восьмиугольник, вершины которого как раз вписались бы в десятикилометровый круг. Ни один из звёздных кораблей никогда не рискнёт садиться вне лётного поля и нарушать диктуемые Космодромом правила, ёмко и уважитель-

но именуемые Законом. Наказание неотвратимо и предельно понятно для всех: нарушитель не получит энергии на обратный рейс или готовой смеси для термоядерного конвертора, если таковой у него есть. В итоге корабль навсегда останется любопытным экспонатом для местных жителей.

Вообще-то, если рассуждать логически, при моей работе вызов на Космодром и последующий ритуал, называемый Аудиенцией, должны быть вещами вполне обыденными. По уставу адвослужба отвечает за взаимодействие колонии с окружающими мирами «на внеправительственном уровне». Проще говоря, обязанность нашей конторы – улаживать мелкие конфликты и недоразумения между жителями планеты Имллт и теми, кто живёт вне её. А это обитатели других планет Малого Кольца, нашего межзвёздного союза, и так называемые косможители, которые постоянно скитаются по нашему сектору галактики на звёздных кораблях. К косможителям также относят и население орбитальных городов. Все они – такие же люди, как и мы. Ну, или почти такие же. Больше на нашу помощь, к счастью, пока никто не претендует.

Расположена наша колония на самой окраине сообщества обитаемых миров. Развита она слабо, население небольшое. Но работы, тем не менее, хватает – нас, агентов адвослужбы, всего полтора десятка на сотни тысяч квадратных километров населённых территорий. Приходится много работать ногами, ещё больше – головой. А порой – кулаками и пистоле-

том. Причём никакого геройства. Одна сплошная рутина.

Можно задаться вопросом – раз окраинный мир, отчего же нет покоя? Меня это тоже всегда интересовало. Корабли к нам прилетают редко, на Космодроме я уж не припомню, когда в последний раз и был... Но вот вам, пожалуйста, – не одно, так другое. Всю прошлую неделю гонялись за контрабандистами. Только сменился – думал, отосплюсь. И транспорт свой в порядок приведу. Как бы не так! Ну что ж, приказ есть приказ...

Кстати, если вызов срочный, вставать нужно прямо сейчас, уважаемый агент! Эх... Ну всё, подъём. Я отбросил одеяло. Холодина-то какая!

В дальнем углу своего оперативного гаража я соорудил каморку и поставил там сколоченную наспех кровать. Это вроде как должно было создавать некое подобие уюта. Но только потом я понял, что уют тем и отличается от своего подобия, что, проснувшись поутру, ты чувствуешь себя приличным человеком, а не его подобием. Да и вообще, почему я сплю в гараже? Дом у меня есть... Чего-то во мне самом, наверное, нет.

Я одевался, безошибочно находя в темноте свои вещи. Это привычка с детства. Почему-то мне почти всегда приходилось одеваться в темноте. Когда я был маленький, мы с отцом спали в одной комнате. Он приводил свой баркас с ночного лова перед рассветом и спал до обеда. Утром, собираясь в школу, я никогда не включал свет, чтобы не разбудить его.

Потом, когда море отняло его у нас с мамой, мы переехали в Шнерс, на юго-западную окраину города Кодда, подальше от порта. Наш новый дом снаружи выглядел очень даже ничего, но внутри был изрядно запущен. И некому было приводить его в порядок. И опять я по утрам одевался в полной темноте – в моей комнате просто нечего было включать. Собираясь в школу, которая так и не стала для меня своей, в доме, к которому я так до конца и не привык, я почему-то даже радовался, что нет света. Это была какая-то тайная детская солидарность с безвозвратно утраченным прошлым.

А сейчас-то что? Да ну их, все эти мысли! Ничто не прогоняет их лучше ледяной воды из свёрнутого набок крана. Зеркало с отколотым уголком отражает только предрассветную ультрамариновую синь, лица своего разглядеть там не могу. Рядом слесарный верстак, на нём мощная лампа, но лень протянуть руку... Так и бреюсь впотьмах, наугад.

Нет, я ни на что в жизни не жалуясь. Просто порой накалывает ощущение какой-то внутренней неустроенности души, причины которой сразу не объяснишь даже самому себе. И это не изгонишь включением света, хоть всей дюжины светильников под потолком гаража. А раз так, то нечего тешить себя светлыми иллюзиями и старательно делать вид, что всё у тебя хорошо.

Как минимум, в жизни всё должно быть гармонично. Вот наплечную потайную кобуру с пистолетом я надеваю одним заученным движением. И куртку свою рабочую хватаю со

спинки винтового стула не глядя – рука движется точно и безошибочно. Я считаю, что порядок – это когда вещи лежат так, что твои пальцы помнят, где они. Даже в темноте – глаза в этот момент свободны. Глаза могут посмотреть на наручный навигатор и по рубиновому сиянию цифр понять, что сборы от момента вызова заняли уже больше семи минут. Опять придётся гнать – не укладываюсь в установленный Сержантом для каждого из нас норматив.

Подумав, хватаю с держателя-зарядника боевой шлем, очень ценное в критических ситуациях устройство – вдруг пригодится сегодня... Потом захлопываю тайник, где обычно прячу шлем, не забыв на ощупь взвести замок. В темноте слышно, как шелестит, опускаясь на место, самоклеящаяся карта нашего сектора галактики, которая маскирует дверцу тайника. Я на неё наклеил полосы специальной военной липучки, которая легко отходит, если знать, как с ней обращаться. А если не знать, то и изо всех сил не отдерёшь. Это специально сделано – несведущий подумает, что карта тут наклеена намертво, причём давным-давно. А сведущий всё равно придёт с пространственным сканером и прошибёт стену импульсным зарядом.

Быстрым шагом хозяина, которому все предметы сами уступают дорогу, пересекаю тёмное пространство гаража, направляясь к своему джипу. Кидаю на сидение шлем и с ходу запрыгиваю в машину, уцепившись руками за стальные трубы дуг безопасности. Никак не почию у джипа откидной

верх. Но размышления о том, будет ли сегодня обещанный дождь, сейчас бессмысленны – вторую свою машину, крытую колымагу, чем-то похожую на перевёрнутую пластиковую мыльницу, я вчера разобрал да так до конца и не собрал.

Завожу мотор, ворота гаража с глухим ворчанием открываются, повинуюсь команде с секретной кнопки на брелоке для ключей – эта автоматика у меня всегда работает как часы. Не включая фар, в темноте выруливаю в узкий каменистый проулок. Он так плотно обсажен кустами, что с улицы придорожного посёлка кажется, будто до гаража моего он не доходит. Поторопившись, я взял несколько ближе к обочине, чем надо. Ветви кустов тянутся к самому лицу, не облетевшая ещё листва волной шелестит по лобовому стеклу... Тем не менее, я ещё успеваю оглянуться, чтобы убедиться, что ворота гаража начали автоматически закрываться.

На малых оборотах мотор у джипа работает почти бесшумно. Тёмной тенью качусь по улице в тающих сумерках, только щебень под колёсами скрипит. Я люблю так делать – чтобы никто не знал, когда я уехал. А ещё лучше, чтобы никто не знал даже о том, что я здесь был.

Фары я включаю, только когда мой джип выбирается на Шоссе. Вот теперь можно гнать!

Для того чтобы понять, что такое гнать в моём понимании, надо знать, что представляет собой наше Шоссе. Его название не даром, как и Космодром, пишется с большой буквы. Это не просто дорога. «Ключевой объект инфраструкту-

ры» – так называют его наши учёные. Сверху оно действительно выглядит как шоссе, очень широкое и удивительно прямое. Длина его – тысяча километров с хвостиком, и на всю эту тысячу километров ни одного заметного на глаз поворота, ни одного существенного спуска или подъёма! Покрытие – само по себе техническое чудо. С виду похоже на бетон, но какой же это бетон, когда всю тысячу километров на нём – ни трещинки. На Шоссе не бывает луж, зимой на нём не держится снег, не образуется лёд. Вот грязь – да! Её наносят крестьянские грузовики с примыкающих к Шоссе окрестных просёлков. Но и та как-то сама собой рассасывается... Не помню, чтобы Шоссе кто-нибудь когда-нибудь чистил.

Любой мальчишка знает, что дорожное полотно Шоссе – это только его верхушка. Большая часть сооружения скрыта: в сечении оно напоминает гигантский клин, уходящий в землю на сотню метров. По сути, это тысячекилометровый монолит, брошенный на поверхность планеты, поперёк лесов и рек. Особенно заметно это на мостах. Их всего три – по пути от Инáркт, столицы нашей колонии, до океанского побережья Шоссе трижды пересекает реку Уарáту. Именуются мосты без затей: Первый, Второй и Третий. В этих местах все, кому интересно, могут посмотреть, что прячет Шоссе в земле.

Что внутри этого исполинского творения инженеров древности, никто не знает – славные предки не оставили нам

чертежей. Функционирует оно само по себе и ничего от нас не требует, только отдаёт – обеспечивает энергией и водой придорожные городки и посёлки, например...

И вот, выбравшись на идеальную верхнюю грань этого великого древнего сооружения, серую монотонность которой нарушает только ярко-оранжевая флуоресцентная разметка для автопилотов тяжёлых грузовиков, я получаю возможность гнать – в самом прямом и прекрасном смысле этого слова. В такой ранний час ни встречных, ни попутных машин практически нет. А если бы и были – что мы, на стометровой бетонной полосе не разойдёмся? Я вдавливаю педаль акселератора в пол – и ветер начинает свистеть в грубо сваренной стальной раме над кабиной. Рулём работать практически не приходится, машина мчит всё быстрее, пока мощь рокочущего двигателя не уравнивается хриплым гулом сопротивляющегося воздуха. Мне удалось достать для моего джипа хороший мотор. Кажется, что скорость достигает невероятных значений, но на спидометре – всего сто пятьдесят... Попадёт мне от шефа.

Рассвет торопит меня – уже заметно светлеет. Шоссе идёт чуть выше окружающих полей, по которым плавает туман. И кажется, будто насыпь проложена прямо через облачное море. Только иногда из белёсых клубов тумана одинокими островками выступают верхушки деревьев или скопления крыш крестьянских хуторов. Над самым полотном Шоссе туман не задерживается, только перетекает иногда через него, как во-

да поверх плотины – и тогда вокруг фар на несколько мгновений вспыхивает ослепительное голубоватое гало.

Тем временем в моей голове сама собой разрешилась загадка приснившейся сегодня Чёрной Иглы. Мой пробудившийся мозг автоматически выдал ответ, на что было похоже привидевшееся мне мифическое оружие. Эта штука из моего сна действительно очень напоминала деталь от машины – от моей второй машины, с которой я вчера возился допоздна. Я всё пытался изобрести способ заставить её ездить хоть чуточку быстрее – ну и вынул из расположенного у неё под днищем пьезопривода вкладыш силового резонатора. И ступенчато-узорчатое чёрное копье, в образе которого явилась мне во сне легендарная Чёрная Игла, до безобразия этот резонатор напоминало. Что ни говори, вид у него был просто космический – меня ещё удивило, что в таком примитивном по конструкции агрегате прячется такая сложная деталь. Я положил резонатор на верстак, под лампу, и пытался понять, как он устроен – так я надеялся найти способ его улучшить. Никаких идей в голову не пришло, и я попытался вставить резонатор на место... Да не тут-то было! Это заняло у меня весь вечер и значительную часть ночи. В результате к утру машина так и осталась собранной не до конца. Таким образом, отрицательная роль Чёрной Иглы в том, что сегодня я буду разъезжать на открытом джипе под обещанным по радио дождём, была неоспорима...

Впрочем, всё относительно. Я ведь не зря свою колымагу

принялся разбирать – на Шоссе она едва могла выжать сотню, да и то при попутном ветре. Если бы я рванул в контору по срочному вызову на ней, нагоняй от шефа за нерасторопность был бы куда более вероятен.

Вот по правую руку остался поворот на энергокомплекс Пхáта, до которого от Шоссе километров двадцать пять. В Пхáта расположен единственный на всю планету термоядерный конвертор. Говорят, на некоторых звёздных кораблях таких по два, а то и по четыре. А у нас на всю колонию – один. Вот такие мы развитые...

Впереди был мост через Уарату. Этот мост называли Третьим – в этом случае счёт всегда вёлся от столицы. Если точнее – от Космодрома. Ясным днём здесь дух захватывает – речная долина в этом месте широка и глубока, и опоры ажурных арок, кажущиеся издали подозрительно тонкими, уходят вниз, к воде, метров на триста пятьдесят, не меньше. Но сейчас вся долина Уараты была затоплена густым туманом, и мост лишь чуть-чуть приподнимался над его белёсыми волнами. Если не знать, какая здесь высота, – так и моста можно не заметить.

Восход солнца застал меня, когда я уже пересёк Третий мост. Прогноз погоды на сегодня, к сожалению, выглядел правдоподобным. Просветы на небе ещё были, но повсюду уже громоздились тучи. Вздымающаяся слева от меня гора Сундук, за которой пряталось поднимающееся солнце, пыталась прикинуться ещё одной тучей, сползшей с небес к са-

мой реке. Её угловатые контуры были такими же синими и расплывчатыми – она действительно напоминала огромное облако в форме сундука. Но солнечные лучи, позолотившие гору по краям, быстро раскрыли этот обман – стали видны отдельные сосны, обрамляющие плоскую как стол безлесную вершину.

Шоссе заканчивается просторной восьмиугольной площадкой. И с противоположного конца, через тысячу километров, такая же. Всё той же восьмиугольной формы, как и лётное поле Космодрома, между прочим... Площадки эти все называют стрелками. В детстве я спрашивал у отца – почему? И он объяснил, что в Инаркт, где стрелка Шоссе находится в черте города, от неё берёт начало проспект Странника, впоследствии переименованный в проспект Торжества Кондуктории, а также другие главные улицы. «Но почему стрелка?» – не унимался я, обескураженный непонятым для меня ответом. Было это в море, и мы сидели на корме отцовского баркаса. Отец достал компас и поднёс к волноводу работающего двигателя. Стрелочка компаса закрутилась во все стороны. «Начало всех путей, понимаешь?» – сказал мне отец. Я кивнул, потому что мне показалось, что я понял... Так это и осталось в моей подрастающей голове в разделе «Почти Понятные Вещи». С тех пор стараюсь не кивать, если не понял на самом деле.

Наша стрелка, что у Кодда, находится прямо в лесу, и сто-

рожат её выстроившиеся вокруг высокие сосны – это так, чтобы иллюзий не возникало, что у нас тут не дикий край. Разбегающиеся от стрелки во все стороны дороги разной ширины и степени разбитости (некоторые даже грунтовые) традиционно не имеют указателей. Кому надо – тот знает, куда сворачивать. А кто не знает – так и едет по прямой. Неширокая, но ухоженная дорога ведёт чужака, пока не кончается лес. А там, озадаченно глядя на обступившие дорогу путанные двory одноэтажного Верхнего Кодда, он спускается к морю. И это уже Нижний Кодд – одноэтажные дома вдруг вырастают до многоэтажных, и путник попадает прямо во двор управления Общинной стражи. Стражники любят гостей – появляется возможность хоть чем-то заняться...

Перед стрелкой я придерживаю машину. Мне нужно не прямо, а чуть левее. Дорога тут заметно уже – не то что по прямой. Вроде бы, туда же ведёт, куда и главная, да не совсем. Сначала деревья смыкаются вокруг, почти соединяя над головой свои кроны. Но внезапно лес кончается. По левую руку открывается поросшая кустарником пустошь, а по правую громоздится полузаброшенный кирпичный заводик. Торможу и резко выворачиваю вправо – мой джип, разгоня поредевший туман лучами фар, ныряет на едва заметную дорожку, зажатую между лесом и заводским забором. Это правильный маршрут для матёрого агента адвослужбы: я уже почти добрался до своей базы, а меня ещё ни одна жи-

вая душа не видела.

Вот лес справа отступает, и дорога сворачивает за ним, а мне нужно прямо – на поросший гигантскими сорняками пустырь, посреди которого маячит водонапорная башня. На пустырь ведёт просёлок, который легко проглядеть даже в двух шагах – просто две слегка наезженные колеи. Сейчас, в утреннем тумане, его вообще не видно, но, мысленно отсчитав нужное количество секунд после того, как кончился забор кирпичного завода, я безошибочно сворачиваю на неприметную дорожку, интуитивно выкручивая руль налево.

Высоченные стебли пустоцвета на пустыре ещё не успели высохнуть, только побурели. Они, кстати, легко переставают и зиму – ни снега, ни лютые сырые ветра их не берут. И даже к весне на них ещё сохраняются семена, готовые отправиться в полёт – белые звёздочки увядших соцветий, одевшиеся невесомым пухом. Осенью, перед дождём, пустоцвет особенно старается. Так что ехал я к своей базе через фантазмагорическую картину – лёгкий утренний ветерок, разгоняющий туман, устроил настоящую метель. С пустоцветом никакой метеокарты не надо.

На пустыре несколько заброшенных промышленных зданий. Но те два больших ангара, что рядом с водонапорной башней, только выглядят заброшенными. Так же как и почерневшая от времени, слегка покосившаяся труба у дальнего ангара, рядом с которым виднеется ещё какое-то невня-

ное строение. Так же как возвышающаяся чуть в стороне мачта непонятого назначения, покачивающая на ветру обрывками проводов. Туда я и держу свой путь. Это моя база.

Сержант учил нас, что мимикрия – один из самых надёжных способов маскировки. Трудно убедить чужой глаз, что в том месте, где расположена база, ничего нет. Гораздо проще показать, будто то, что тут есть, совершенно не представляет интереса. Ну кому нужны стоящие посреди пустыря заброшенные ангары с дырами в крыше, к которым даже дороги нормальной нет? На самом деле, дорога есть, просто она почти незаметна, а дыры эти имитируются по специальной технологии. Вот такой непривычный для нашего мира подход.

Ничего удивительного в этом нет: наш шеф – бывший полковник спецслужб планеты Улл, одного из ведущих миров Малого Кольца. А Сержант – это всего лишь его рабочий позывной. Вот встретишь его на улице – и не скажешь, что полковник. Крепкий мужчина не слишком высокого роста. Лицо невыразительное, даже какое-то блёклое. Светлые волосы, чуть лысоват. Глаза кажутся бледно-голубыми, почти прозрачными. И только когда ты увидишь их совсем рядом... Когда в тренировочной схватке его покрытые светлыми волосками кулаки, совсем не угрожающего вида, но оказавшиеся вдруг каменными, скрутят твой ворот, мигом поймав тебя на удушающий захват, и ты захрипишь, тарашась как речной краб... Вот тогда ты рассмотришь его глаза вблизи. И поймёшь, что не голубые они вовсе – они сталь-

ного цвета...

Чем дальше спускаешься на пустырь, тем плотнее заросли пустоцвета обступают дорожку. Там, в гуще сорняков, прячется замаскированный забор из колючей проволоки. Нормальные люди не станут сквозь колючие заросли ломиться, а от ненормальных не убудет...

Дорога огибает ангары слева, и вид её ничего хорошего впереди не обещает. Всё правильно: если поехать по ней дальше, то окажешься во вполне ожидаемом тупике у перекошенного забора, где и развернуться-то негде. А знающие люди у дальнего края ангара сворачивают направо, точно на стену кажущихся зарослей. Сорняков в этом месте нет, это иллюзия – её очень натурально создаёт установленный Сержантом специальный армейский прибор. Голографический мираж настолько правдоподобен, что и с пяти шагов не отличишь – даже колыхнется иллюзорная трава вместе с окружающими зарослями.

Проехав сквозь голограмму, оказываешься на бетонной дорожке. Через десяток метров она перекрыта автоматическим защитным барьером, который выдержит даже удар гусеничной бронемашины. Барьер опознает меня по брелочку специальной связи и быстро опускается – даже не притормозив, я выруливаю на широкую площадку перед ангаром, которая ни с одной точки окружающей местности не просматривается. А сам ангар оказывается замаскированным гаражом.

Подавив искушение бросить машину прямо на площадке, заруливаю в гараж. Хорош я буду у своего джипа с не поднимающейся крышей, когда хлынет дождь, который уже даже пустоцветы предсказывают... Десять секунд ничего не решат.

В гараже дремлют несколько машин. Их больше, чем я ожидал... Оказывается, не только меня сегодня вызвали в контору, и кто-то из ребят успел приехать раньше меня. Стараясь второпях никого не тюкнуть, я приткнул свой джип у дальней стенки ангара, рядом с шикарным монументальным лимузином, который у нас используется только по особым случаям.

Схватив из машины боевой шлем и едва не забыв выдернуть ключи, рысцой бросаюсь в оперативное здание (такое название дал ему Сержант). Две секунды – на темноту гаража, две секунды – на туманное пространство бетонированной площадки перед ним, потом мимо крашенных зелёной краской сараев, где хранятся разные полезные вещи, потом ещё одна площадка, значительно больше, на которой нарисованы полосы флюоресцентной разметки для посадки катера... А сам катер прячется как раз во втором ангаре, вон его хвост в приоткрытой двери виднеется.

Вот оно, оперативное здание: двухэтажное, длинное, покрашенное в неопределённый цвет – то ли серый, то ли голубой, который со временем стал почти серым. Со стороны оно, как и ангара, выглядит не очень – краска кое-где об-

лупилась, окна заложены кирпичом, крыша местами худая. Не поймёшь, что это – то ли запущенный склад, то ли заброшенный цех мелкой артели. На самом деле, это тоже всего лишь мимикрия. Окна там, где надо, есть, просто с улицы их не отличить от стены. И с крышей всё отлично.

Не давая себе перевести дух, я подскакиваю ко входу, к невзрачной железной двери, над которой нависает длинный козырёк на двух хлипких с виду подпорочках. Дверь приоткрывается раньше, чем я берусь за ручку – оперативный дежурный видит меня по наружным камерам и пытается помочь избежать нагоняя. Никак не могу вспомнить, кто сегодня дежурит, надо будет не забыть потом дружески постучать ему кулаком в плечо...

После входной двери, которую и бронемашинной не оторвёшь, сначала тамбур с зеркалами вместо окошек, потом коридорчик, тоже с зеркалами во всю стену. На внутренней стене зеркало, конечно, фальшивое – это толстенное бронестекло односторонней прозрачности. Оперативному дежурному ты прекрасно виден, а вот ты его не видишь и можешь только глупо улыбаться, махая рукой своему отражению в ярком голубоватом свете ламп, от которых даже днём глаза режет. Зато на наружной стене зеркало настоящее – это чтобы из дежурки видно было, не прячешь ли ты чего за спиной. А в конце коридора – опять железная дверь. Здесь всё сделано по особым стандартам безопасности, почти никому не знакомым на нашей полусонной планете.

После «бактерицидного» освещения входного коридора холл кажется полутёмным. Только на кухне, что за первой же распахнутой дверью по правую руку, горит яркий свет. Там, за столом, я с удивлением вижу двоих своих друзей-агентов. Оба из моей смены. Тот, что высокий и белобрысый, в обтрёпанной куртке, – это Стаки, бывший лейтенант-танкист. А второй, коренастый черноволосый крепыш в щегольской кожаной курточке, – это наш штатный ловелас Красен. Если Стаки покоряет сердца девушек грубоватым армейским юмором и бесшабашной улыбкой, то Красену достаточно лишь повести своими великолепными бровями – и за ним бежит целая стайка.

Красен не прост, не с каждым он готов откровенничать. Но вот со Стаки они всегда душа в душу. С ним Красен, наверное, даже лучше ладит, чем со мной. И это при том, что нас со Стаки Сержант уже давно определил в напарники.

Меня всегда удивляло, как легко Стаки и Красен, такие разные люди со столь разными судьбами, находят общий язык. Да к тому же Красен ещё и заметно старше нас со Стаки. Но, тем не менее, они даже мыслят одинаково. Вот вызвали их на службу, как и меня – я-то знал, что они сегодня тоже не должны были дежурить. И чуть свободная минутка выдалась после инструктажа – они, не сговариваясь, сразу на кухню, бутерброды себе делать...

А я спешу дальше. В глубине холла видна открытая дверь в комнату дежурной смены, она же – помещение для ин-

структажей. Поперёк холла на полу нарисована широкая жёлтая полоса. Это линия, за которую на базе нельзя заходить посторонним. Ни гости, ни задержанные не должны даже приближаться к ней, иначе сработает сирена. Стараясь не перейти с быстрого шага на бег, я пересекаю границу, машинально нащупывая на груди брелок специальной связи, одновременно являющийся ключом – как обычно, спохватился с опозданием...

В комнате дежурной смены, где обычно отсиживаются два-три агента, которым пока не дали никакой работы, сейчас полно народу. Но нервного оживления, как это обычно бывает перед важной операцией, не наблюдается. Напротив, стоит умиротворяющая тишина. Потому Стаки с Красеном и умудрились улизнуть на кухню...

Половину комнаты занимают кресла, расставленные в несколько рядов. Ребята сидят на них вразброс, так что точно оценить количество поднятых по тревоге затруднительно. Но на первый взгляд мне кажется, что вызвали всех... Успеваю заметить красавца Саста, идеально сложенного шатена, который досматривает сны, развалившись на кресле в углу. А на заднем ряду вижу яйцеобразную макушку тощего Уица – ого, даже нашего пилота выдернули!

Сержант сидит за своим столом, который поставлен лицом к залу, словно у преподавателя в университете. Справа от него, на почётном месте, высится тумба с восьмигранной пирамидкой информационного терминала, на который

нам напрямую поступают указания от Космодрома. Шеф нашей адвокатуры смотрит куда-то в сторону, разговаривая с Йецем, нашим молоденьким аналитиком. Йец, видимо, докладывает что-то важное – при этом он обычно смешно гримасничает, сам того не осознавая. Меня Сержант словно и не замечает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.